

ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИИ „УМНОГО ГОЛОСОВАНИЯ“ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

Иван Большаков, политический аналитик, член Российской ассоциации политической науки

Владимир Перевалов, политический аналитик, магистр политических наук

Вызвавшие массовые протесты и большой общественный резонанс выборы 2019 года в Московскую городскую думу оказались более успешными для оппозиции, чем все предшествующие электоральные кампании в Москве. Частью процесса мобилизации протестного электората стала стратегия „умного голосования“, предложенная политиком Алексеем Навальным, который призвал избирателей голосовать за сильнейшего в округе кандидата от оппозиции, имевшего наибольшие шансы на избрание. По итогам избирательной кампании в 20 из 45 округов победили кандидаты, поддержанные „умным голосованием“: КПРФ увеличила свое представительство в 2,5 раза, „Яблоко“ вернулось в столичный парламент после десятилетнего перерыва, а „Справедливая Россия“ впервые за время своего существования получила места в Мосгордуме. Именно стратегии „умного голосования“ приписывают основную заслугу в достижении таких результатов, называя итоги выборов „фантастической победой оппозиции“¹.

Между тем экспертная дискуссия о московских выборах происходит без опоры на релевантную аналитическую модель, попытки оценить количественный эффект „умного голосования“ носят упрощенный характер, а само „умное голосование“ отождествляется с протестным². Эта, на наш взгляд, логическая ошибка, приводит к неверифицируемому выводу о том, что хотя „ни один пример оппозиционного большинства не может быть с уверенностью объяснен „умным голосованием“, общие результаты указывают на его эффективность“³. В действительности тактическое и протестное голосование имеют совершенно разную природу, оппозиционный электорат мог голосовать и не следуя рекомендациям Навального, а исход выборов мог быть обусловлен другими факторами, специфичными для того или иного округа.

¹ См. Стратегия „умного голосования“ оказалась победной или не очень? // **Meduza**, 9.09.2019, <https://meduza.io/feature/2019/09/09/strategiya-umnogo-golosovaniya-okazalas-pobednoy-ili-ne-ochen>.

² См. **Рогов К.** „Умное голосование“: стратегия, количественные оценки, перспективы // Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы — 2019. М.: Фонд „Либеральная миссия“, 2019; **Овчинников Б.** Эффект „Умного голосования“ в Москве: 300 тысяч голосов // **Golosinfo.org**, 2.10.2019, <https://www.golosinfo.org/articles/143799>; **Dollbaum J.M.** Outsmarting Electoral Authoritarianism? Alexey Navalny's „Smart Voting“ in Moscow and Beyond // **Russian Analytical Digest**, 2019, no. 239; **Waller J.** „Smart Voting“ is Getting Smarter // **Riddle**, 18.10.2019, <https://www.ridl.io/en/smart-voting-is-getting-smarter/>

³ **Dollbaum J.M.** Outsmarting Electoral Authoritarianism? Alexey Navalny's „Smart Voting“ in Moscow and Beyond // **Russian Analytical Digest**, 2019, no. 239: 5.

ТАКТИЧЕСКОЕ И ПРОТЕСТНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Прежде чем приступить к интерпретации результатов московских выборов, важно операционализировать аналитические концепты, с которыми мы будем иметь дело. Ошибочная операционализация или отказ от нее, как будет показано далее, приводят к существенным искажениям.

„Умное голосование“ — не изобретение отечественной оппозиции, а один из видов электорального поведения, известный в политической науке как тактическое (иногда именуемое также стратегическим) голосование. Термином „тактическое голосование“ принято обозначать особый способ политического волеизъявления, при котором избиратель, стремясь максимизировать полезность своего голоса, выбирает партию, отличную от той, чью позицию он действительно разделяет⁴.

Такое голосование опирается на опыт избирателей и имеет целью повлиять на исход выборов: череда поражений предпочитаемой избирателем партии формирует у него негативные ожидания относительно ее перспектив, заставляя искать более прагматическое решение. Тактическое голосование характерно прежде всего для мажоритарной системы, при которой выиграть выборы способны, как правило, лишь представители двух ведущих партий (закон Мориса Дюверже)⁵. Именно это обстоятельство побуждает сторонников третьих партий отдавать свой голос за одну из ведущих, чтобы не потратить его впустую. Стимулирует тактическое поведение и коалиционная политика партий, меняющая привычные электоральные предпочтения. Поэтому к такому типу голосования относят также стратегию страховки коалиций при смешанной избирательной системе, когда избиратель отдает один голос партии первого выбора, а другой — ее потенциальному партнеру по коалиции, с тем чтобы партия первого выбора не потеряла возможность сформировать правительство, если не получит большинства мест в парламенте⁶.

Некоторые политологи подразделяют тактическое голосование на инструментальное и экспрессивное⁷. В первом случае избиратели, поддерживающие партию с небольшими шансами на победу, вынуждены голосовать за ту, чьи шансы выше. Во втором случае предпочитаемая партия обладает всеми шансами на успех, но избиратели отклоняются от своего обычного выбора, чтобы послать этой партии сигнал, что с ней что-то не так. В действительности то, что именуют экспрессивным тактическим голосованием, является протестным голосованием⁸. Экспрессивное голосование имеет социально-психологическую основу (идентификация с партией или с

⁴ Fisher S. *Definition and Measurement of Tactical Voting: The Role of Rational Choice* // *British Journal of Political Science*, 2004, vol. 34, no. 1: 153-154.

⁵ См. Palfrey T.R. *A Mathematical Proof of Duverger's Law*. California Institute of Technology. *Social Science Working Paper*, 1988, no. 688; Blais A., Carty R.K. *The Psychological Impact of Electoral Laws: Measuring Duverger's Elusive Factor* // *British Journal of Political Science*, 1991, vol. 21, no. 1.

⁶ Gschwend T. *Ticket-Splitting and Strategic Voting under Mixed Electoral Rules: Evidence from Germany* // *European Journal of Political Research*, 2017, vol. 46, no. 1.

⁷ См. Franklin M., Niemi R., Whitten G. *The Two Faces of Tactical Voting* // *British Journal of Political Science*, 1994, vol. 24, no. 4.

⁸ Heath A., Evans G. *Tactical Voting: Concepts, Measurement and Findings* // *British Journal of Political Science*, 1994, vol. 24, no. 4: 558.

группой, солидаризация, эмоциональное возмущение событием или страх перед наступлением события), в то время как тактическое строится на рациональном выборе.

Вместе с тем необходимо различать рациональное и собственно тактическое голосование. Рациональные мотивы могут присутствовать и в протестном голосовании, если избиратели не просто выражают эмоциональное недовольство определенной партией, но и оценивают результаты ее политики (так называемое экономическое голосование)⁹. В свою очередь тактическое голосование базируется исключительно на измерении шансов партий, и в этом его главная особенность. У протестного голосования нет цели поменять победителя, хотя на практике оно часто приводит к такому результату. Выбор избирателя здесь определяется не прогнозированием исходов или стремлением уменьшить шансы неприемлемых кандидатов, а желанием наказать правящую партию и потребовать перемен¹⁰.

РАМКИ АНАЛИЗА

Стоит отметить, что вклад „умного голосования“ в результат выборов с трудом поддается точному измерению, так как мы не можем достоверно установить, по какой причине избиратель сделал выбор. Попытаться определить мотивацию можно с помощью социологического исследования — на данных опросов базируются выводы большинства работ по тактическому голосованию в мажоритарной системе. Однако здесь остается неясным, не повлияет ли на респондента то обстоятельство, что мнение об эффективности и полезности „умного голосования“ уже получило широкое распространение (установка на социально одобряемый ответ), и как интерпретировать возможные расхождения между ответами и официальными итогами выборов.

Гораздо более надежным представляется объяснение электоральных исходов статистическими методами с использованием математических моделей. Главная проблема здесь заключается в идентификации подходящей модели, адекватной изучаемому феномену.

К примеру, широко растиражированные оценки Бориса Овчинникова об эффективности „умного голосования“¹¹ построены на измерении разницы между результатами кандидатов, включенных в „список Навального“, и результатами кандидатов в него не включенных, не взирая на тот факт, что шансы кандидатов уже заложены в систему „умного голосования“ в качестве ее основополагающего критерия. Шансы (потенциал) кандидата выступают в качестве объясняющей переменной и по отношению к попаданию в список „умного голосования“, и по отношению к конечному результату на выборах. Таким образом, изучая связь между фактом попадания в „список

⁹ См. **Lanoue D.J.** *Retrospective and Prospective Voting in Presidential-Year Elections* // *Political Research Quarterly*, 1994, vol. 47, no. 1.

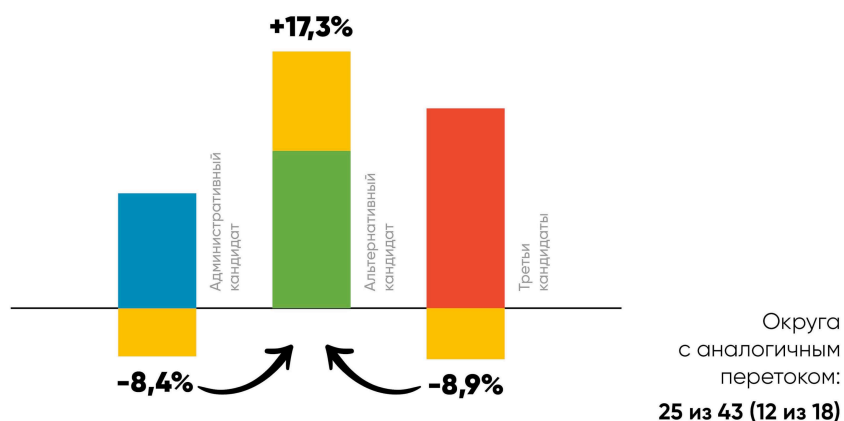
¹⁰ **Pop-Eleches G.** *Throwing out the Bums: Protest Voting and Unorthodox Parties after Communism* // *World Politics*, 2010, vol. 62, no. 2: 223.

¹¹ См. **Овчинников Б.** Эффект „Умного голосования“ в Москве: 300 тысяч голосов // *Golosinfo.org*, 2.10.2019, <https://www.golosinfo.org/articles/143799>.

Навального“ и результатом голосования, мы сопрягаем между собой две зависимые переменные, нарушая принцип последовательности событий. Выводы, полученные по такой модели, становятся бессмысленными, потому как связь между рассматриваемыми переменными опосредуется через третью переменную, выведенную за рамки анализа. Кроме того, вывод для всей совокупности округов делается на основе сравнения результатов одной партии (КПРФ), что не только не позволяет производить точные измерения, но и ведет к генерализации частных случаев и, следовательно, к сильным натяжкам.

В других работах, посвященных анализу московских выборов, эксперты оперируют числом дополнительных голосов, полученных кандидатами „умного голосования“ в Москве в целом или в усредненном округе, квалифицируя их как эффект консолидации оппозиционного электората¹². Голоса оппозиции действительно часто распыляются между разными партиями, поэтому задачей „умного голосования“ стало объединение электората оппозиционных партий вокруг наиболее сильного кандидата (определенного командой Навального),¹³ что полностью соответствует критериям тактического голосования. Но объясняя прирост показателей кандидатов „умного голосования“ лишь концентрацией оппозиционных голосов, мы упрощаем и искажаем действительную картину выборов.

Динамика поддержки кандидатов на примере округа №43

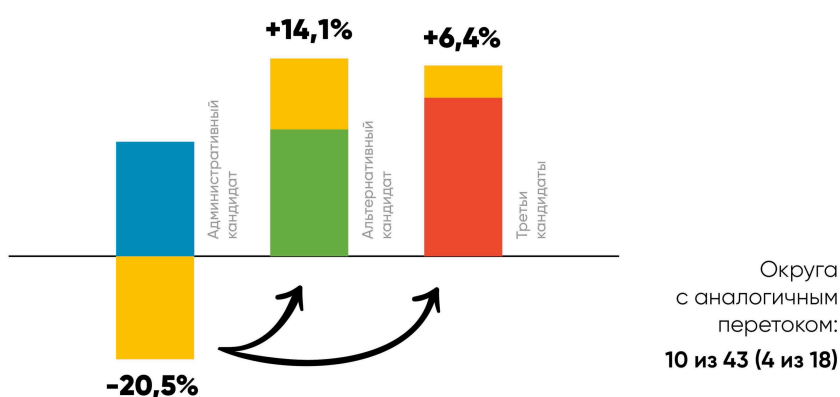
Подобная трактовка верна только в том случае, если показатели кандидатов от власти не изменились и переток голосов произошел исключительно между кандидатами от оппозиции, причем таким

¹² См. **Рогов К.** „Умное голосование“: стратегия, количественные оценки, перспективы // Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы — 2019. М.: Фонд „Либеральная миссия“, 2019; **Dollbaum J.M.** Outsmarting Electoral Authoritarianism? Alexey Navalny's „Smart Voting“ in Moscow and Beyond // *Russian Analytical Digest*, 2019, no. 239.

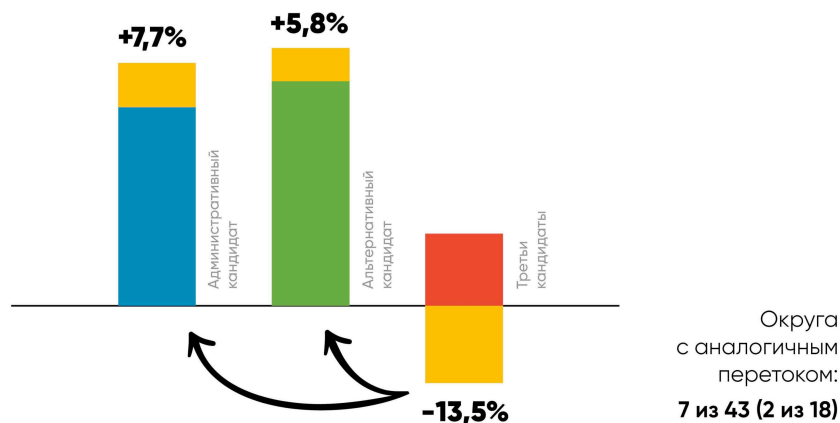
¹³ Для определения „умного голосования“ необходимо привести цитату самого А. Навального: „На самом деле нам нужно для типичных выборов в крупном городе, а конкретно в Москве и Питере на ближайших выборах, чтобы в „умном голосовании“ приняли участие 3% от общего списка избирателей из тех, кто раньше вообще забил на выборы и не ходил, плюс треть от тех, кто и так ходил раньше и голосовал против „ЕР“. Внимание: 33% не от общего списка избирателей, а от тех, кто и так голосовал за оппозицию. Просто в этот раз они должны дружно проголосовать за одну фамилию. И тогда мы реально лишим „Единую Россию“ большинства. <...> Важно только то, чтобы они не идеологически голосовали, не за „свою партию“, а по-умному.“ См. Как мы будем побеждать „Единую Россию“ на выборах. Умное голосование // **Блог Алексея Навального**, 28.11.2018, <https://navalny.com/p/6017/>.

образом, что основной оппозиционный кандидат прибавил за счет второстепенных, а те, в свою очередь, утратили часть поддержки. В реальности голоса к основному оппозиционному кандидату перетекали и от административного кандидата, причем перетекали они не только к нему, но и ко всем оппозиционным кандидатам, включая второстепенных. Поэтому, чтобы оценить влияние „умного голосования“ на результаты выборов, необходимо включить в анализ динамику показателей всех кандидатов и все направления перетока голосов.

Динамика поддержки кандидатов на примере округа №14

Динамика поддержки кандидатов на примере округа №44

Для объяснения динамики электоральных предпочтений мы проанализируем уменьшение показателей административных и третьих кандидатов по сравнению с аналогичными выборами 2014 года, а также переток голосов от них к альтернативному кандидату, что

позволит определить источник консолидации голосов и зафиксировать различия в поведении избирателей. Но так как нам нужно измерить концентрацию оппозиционных голосов, мы будем трактовать как консолидацию только тот процесс, источником которого выступает переток от других оппозиционных кандидатов. Прирост показателя альтернативного кандидата за счет падения результата административного кандидата будет свидетельствовать о протестном голосовании, прирост показателя альтернативного кандидата за счет падения результата третьих кандидатов — о тактическом голосовании.

Поскольку мы исследуем результаты выборов в условиях электорального авторитаризма, название партий и формальный статус партийного кандидата или самовыдвиженца не имеют принципиального значения и не квалифицируют кандидатов как административных или оппозиционных. Административным мы называем наиболее предпочтительного для властей кандидата, определенного ими в качестве потенциального победителя¹⁴, независимо от того, имеет ли он какое-либо отношение к „Единой России“ или другой партии; альтернативным — наиболее сильного оппозиционного кандидата, попавшего в систему „умного голосования“. Все остальные кандидаты отнесены к группе „третьих“, или „второстепенных“ (там же учитываются и недействительные бюллетени).

Кроме того, мы различаем эффект и эффективность „умного голосования“. Эффект равен величине перетока голосов от третьих кандидатов к альтернативному. В случаях, когда такой переток не зафиксирован, можно говорить об отсутствии эффекта. (Конечно, тот факт, что переток зафиксировать не удалось, не означает, что в округе в принципе не было тактических голосов, просто переток к третьим кандидатам превышал переток от них.) Аналогичным образом мы определяем эффект протестного голосования. Установление эффекта „умного голосования“ позволяет измерить, насколько данный фактор способствовал победе альтернативного кандидата. Эффект является значимым, если он так повлиял на увеличение показателя альтернативного кандидата, что обеспечил ему преимущество перед административным кандидатом (в иной ситуации он проиграл бы выборы). Если альтернативный кандидат уже имел преимущество перед административным и мог выиграть выборы без тактического голосования, эффект значимым не был.

Эффективность „умного голосования“ определяется через общее число случаев альтернативного большинства со значимым эффектом тактического голосования. При этом мы исключаем из расчетов те округа, в которых одни и те же лица одновременно выступали в роли административных и альтернативных кандидатов.

Полученные результаты тестируются с помощью корреляционного анализа (с использованием коэффициента корреляции Пирсона), в ходе которого исследуется влияние показателей одних кандидатов на показатели других. Рассматривается также возможное воздействие на исход голосования таких факторов, как явка избирателей, уровень конкуренции в округе и электоральный потенциал округа.

---

¹⁴ При идентификации таких кандидатов мы ориентировались на результаты формирующих опросов, опубликованных в официальных окружных газетах.

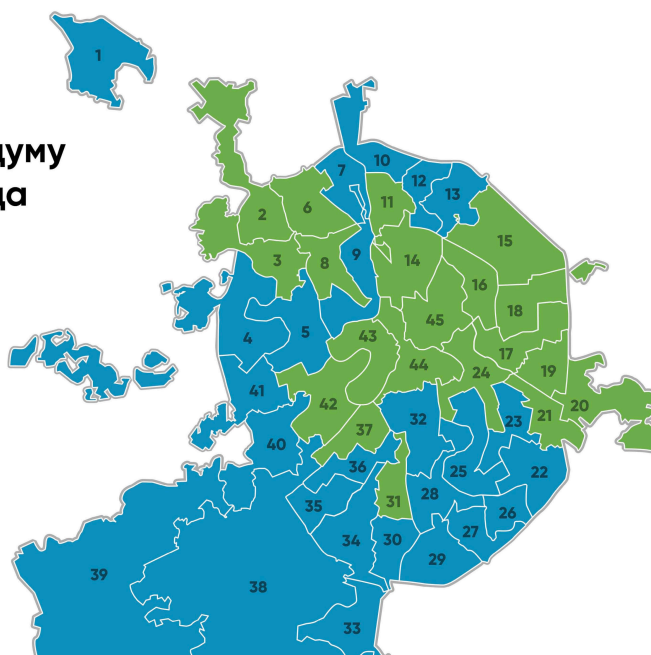
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИСХОДЫ В ОКРУГАХ

По итогам выборов в московский парламент прошло 20 кандидатов, попавших в систему „умного голосования“, и 25 кандидатов, поддержанных „Единой Россией“, хотя и баллотировавшихся в качестве самовыдвиженцев. Как и в прошлую кампанию, не все административные кандидаты были аффилированы с „партией власти“: шесть округов были зарезервированы для системной оппозиции. В двух из них выиграли кандидаты, поддержанные как властями, так и „умным голосованием“ (Леонид Зюганов в округе № 21 и Николай Губенко в округе № 37), что лишает нас возможности определить в этих округах административных и альтернативных кандидатов, поэтому мы не будем учитывать их в дальнейшем анализе.

Таким образом, рассматриваемая нами модель охватывает 43 округа. В 18 из них победили кандидаты „умного голосования“: 11 кандидатов от КПРФ, четыре — от „Яблока“ и три — от „Справедливой России“. В остальных 25 округах победу одержали административные кандидаты — самовыдвиженцы.

Результаты выборов в Мосгордуму 8 сентября 2019 года

■ Кандидат мэрии
■ Кандидат оппозиции

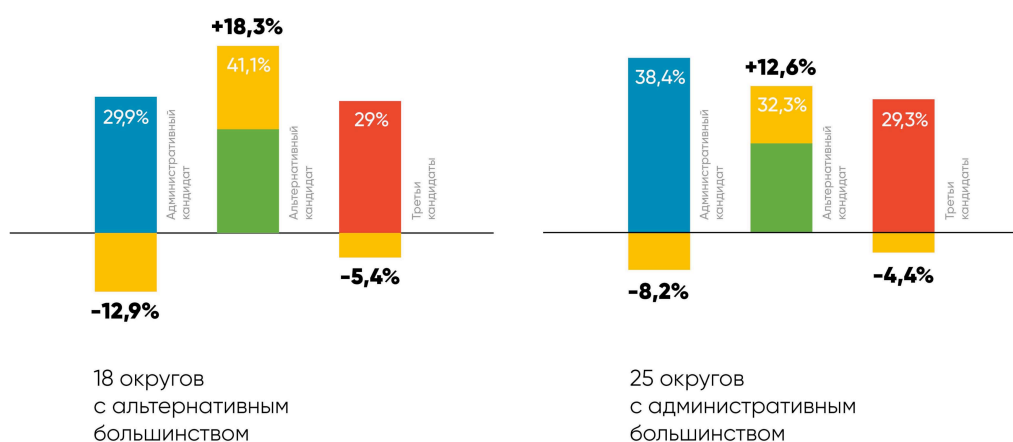
В 42 округах альтернативные кандидаты улучшили результаты по сравнению с прошлыми выборами, набрав в среднем на 15 процентных пунктов (п.п.) больше сильнейших оппозиционеров в этих округах в 2014 году. Динамика административных и третьих кандидатов разнообразнее: в семи округах выросли (в 36 упали) результаты кандидатов, пользующихся поддержкой власти; в 11 выросли (в 32 упали) результаты третьих кандидатов. Показатели административных кандидатов в среднем снизились на 10,2 п.п., показатели третьих кандидатов — на 4,8 п.п.

Анализ динамики голосов свидетельствует о том, что высокий результат альтернативных кандидатов был достигнут в первую очередь за

счет значительного сокращения поддержки административных кандидатов. Особенно выразительную картину такой зависимости дает сравнение результатов при разделении округов по типу большинства (административное vs. альтернативное). В округах, где оппозиция победила, показатели альтернативных кандидатов выросли на 18,3 п.п., там, где она проиграла, — на 12,6 п.п. Административные кандидаты в проигранных округах потеряли 12,9 п.п., что на 2,7 п.п. больше средней потери по 43 округам и на 4,7 п.п. больше, чем в округах, в которых они победили (здесь показатель упал лишь на 8,2 п.п.).

В обеих группах округов мы в целом не видим перетока электората от третьих кандидатов к альтернативным, превосходящего переток от административных кандидатов. Падение результатов третьих кандидатов в округах с альтернативным большинством составило 5,35 п.п., что всего на 0,39 п.п. превышает среднее и на 1 п.п. то, которое зафиксировано в округах с административным большинством (4,35 п.п.). Сравнение демонстрирует, что эффект концентрации голосов оппозиции в двух типах округов был примерно одинаковым, тогда как эффект разочарования в кандидатах от власти различался, и от этого различия зависел результат альтернативного кандидата.

Динамика поддержки кандидатов по двум типам округов

О переоценке фактора консолидации говорит и сравнение перетоков голосов по каждому из округов. Из 18 округов с альтернативным большинством административные кандидаты набрали больше своих предшественников только в двух, в шести же потеряли свыше 20 п.п. Третьи кандидаты улучшили свои результаты в четырех округах, и в четырех же ухудшили их более чем на 10 п.п. Из 25 округов с административным большинством в пяти наблюдался прирост показателей кандидатов от власти, и всего в двух падение составляло более 20 п.п. Третьи кандидаты добились лучших, чем в 2014 году, результатов в семи округах, в шести округах падение их показателей превысило 10 п.п.

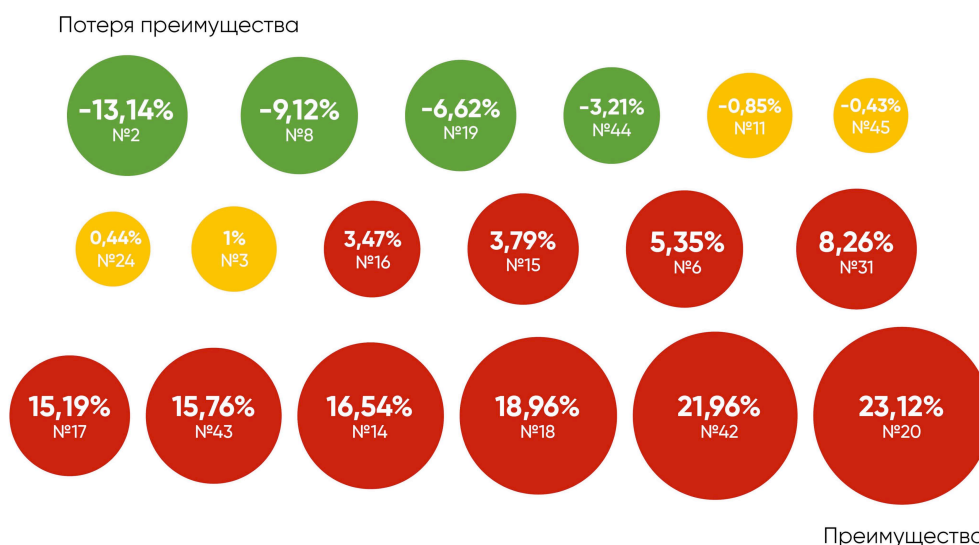
В четверти округов в целом (11 из 43) и в четверти округов с альтернативным большинством (4 из 18) зафиксирована положительная

динамика показателей третьих кандидатов, что не могло произойти в ситуации тактического голосования и консолидации оппозиционного электората вокруг основного оппонента власти. При этом в округе № 26 альтернативный кандидат не просто проиграл административному, но и набрал на 7 п.п. меньше главного оппозиционного кандидата на прошлых выборах (прирост показателей третьих кандидатов здесь достиг рекордных 21,4 п.п.).

В 32 округах виден эффект „умного голосования“, а в 35 — протестного. В 25 случаях налицо два параллельных перетока, в 17 — только один (в 10 округах — переток от административных кандидатов, в семи — от третьих). Сравнение объемов перетоков также говорит о преобладании протестного голосования: в 30 случаях снижение показателей административных кандидатов превысило снижение показателей третьих кандидатов, в 13 — наоборот. В округах с альтернативным большинством это соотношение составляет 12 к 6. Максимальный эффект „умного голосования“ отмечен в округе № 9 (20,5 п.п.), однако отсутствие второго эффекта (административный кандидат прибавил 5,6 п.п.) нивелировало его воздействие, и альтернативный кандидат проиграл.

Преимущество альтернативных кандидатов перед административными кандидатами, без эффекта «Умного голосования»

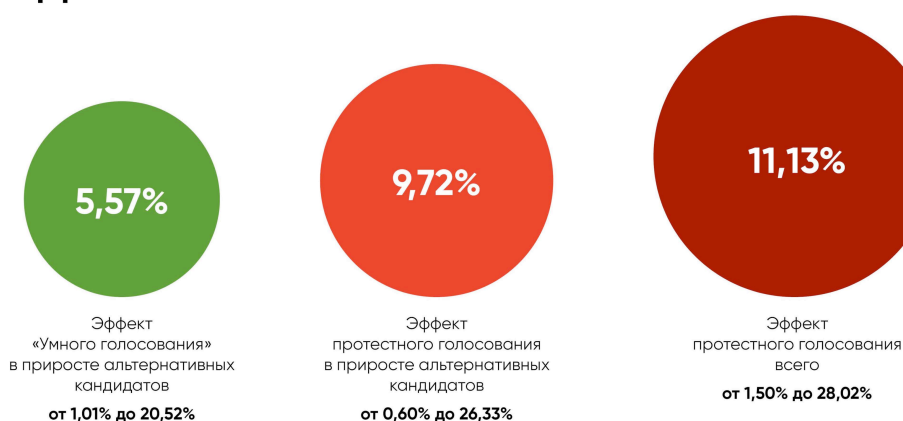
Однако нам важно не просто наличие эффекта, а его значимость, то есть ответ на вопрос, мог ли альтернативный кандидат победить, если бы „умного голосования“ не было. В поисках такого ответа мы сопоставили результаты административных кандидатов в округах, где победила оппозиция, с результатами альтернативных кандидатов, очищенными от эффекта „умного голосования“. Только в четырех случаях альтернативный кандидат определенно потерял бы преимущество, что указывает на значимость эффекта „умного голосования“. В округе № 2 отставание составило бы 13,1 п.п., в округе № 8 — 9,1 п.п., в округе № 19 — 6,6 п.п., в округе № 44 — 3,2 п.п. В 10 округах эффект „умного голосования“ не был значимым —

альтернативные кандидаты и без него победили бы с перевесом в диапазоне от 3,5 до 23,1 п.п., при этом в шести из них отрыв бы превысил 15 п.п.

Еще в четырех округах превосходство одних кандидатов над другими не выходит за рамки 1 п.п. В двух из них наблюдается незначительное преобладание эффекта тактического голосования (в округе № 45 разрыв составляет 0,43 п.п., в округе № 11 — 0,85 п.п.), в двух — эффекта протестного голосования (в округе № 3 — 1 п.п., в округе № 24 — 0,44 п.п.). Подобные величины не позволяют точно прогнозировать возможный исход голосования, поэтому мы будем рассматривать эти случаи как пограничные. С одной стороны, „умное голосование“ обеспечило дополнительные голоса кандидатам от оппозиции и защитило их от возможных фальсификаций. С другой стороны, список „умного голосования“ стимулировал мобилизацию зависимого электората, без которой результат административного кандидата мог оказаться ниже.

В целом вклад „умного голосования“ можно оценить в 5,57% голосов избирателей, а протестного голосования — в 9,72%; это величины перетоков от третьих и административных кандидатов соответственно в приросте показателей альтернативных кандидатов. При этом общий объем протестного голосования (величина перетока от административных ко всем иным кандидатам) составляет 11,13%.

Количественный объем эффектов голосования

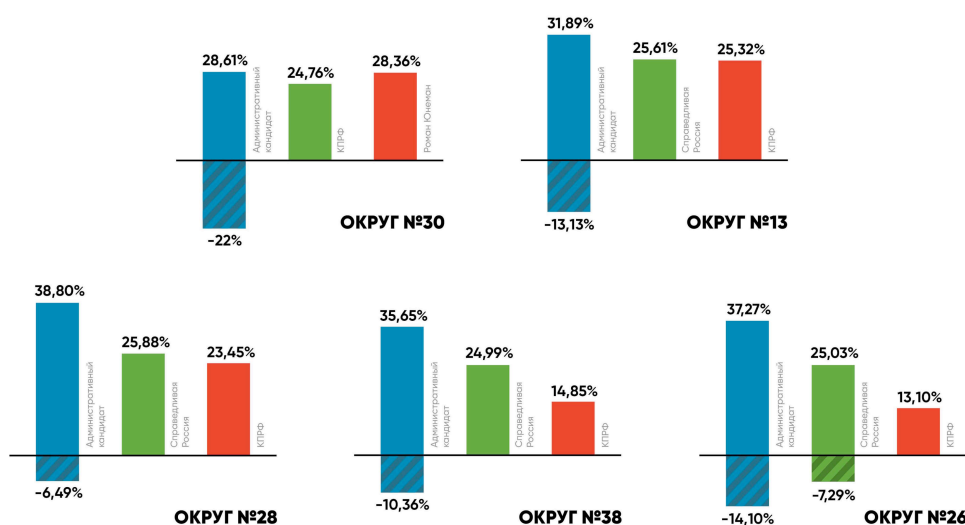

Аналогично тому, как были определены округа, где решающую роль сыграла стратегия Навального, можно выделить округа, где эта стратегия принесла бы победу оппозиции, если бы в список „умного голосования“ попали другие кандидаты. Известный случай с округом № 30, в котором кандидат „умного голосования“ Владислав Жуковский проиграл не только административному кандидату, но и оппозиционеру Роману Юнеману, — не единственный пример ошибки с выбором кандидата. Сбой в стратегии просматривается еще в четырех округах, где „умным голосованием“ были поддержаны кандидаты от „Справедливой России“. В двух из них представители КПРФ и „Справедливой России“ получили сопоставимые результаты:

25,3 vs. 25,6% (округ № 13) и 23,4 vs. 25,9% (округ № 28), то есть имело место распыление голосов. В двух других консолидация либо была недостаточной (в округе № 38 альтернативный кандидат смог улучшить результат 2014 года только на 3,84 п.п.), либо отсутствовала в принципе (в округе № 26 альтернативный кандидат получил на 7,3 п.п. меньше основного оппозиционного кандидата на прошлых выборах). В этих округах административные кандидаты потеряли 14 и 10 п.п. соответственно, что позволяло представителям оппозиции победить в случае большей консолидации голосов.

Неверное восприятие тактической ситуации, связанное с неадекватной оценкой популярности кандидатов, — одна из частых ошибок тактического голосования¹⁵. Прогнозы строятся на неправильном толковании результатов опросов, упускающем из вида тот факт, что часть респондентов начинает делать тактический выбор уже на этапе опроса, отдавая предпочтение аутсайдерам и игнорируя кандидатов, пользующихся в действительности более широкой поддержкой, чем представляется их потенциальным избирателям. При этом нельзя исключать, что ошибки могли быть и следствием манипулятивной игры авторов стратегии.

Ошибки «Умного голосования»

Наши общие выводы подтверждаются результатами корреляционного анализа, для которого мы использовали данные о динамике показателей трех типов кандидатов как по всем округам, так и по округам с альтернативным и административным большинством по отдельности.

Как видно из таблицы, коэффициент корреляции (R)¹⁶ между динамикой показателей административных и альтернативных кандидатов составляет -0,42, что говорит о наличии умеренной связи между падением поддержки первых и ростом поддержки вторых. Связь

¹⁵ См.: Таагепера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем // Полис. Политические исследования, 1997, № 3; Heath A., Evans G. Tactical Voting: Concepts, Measurement and Findings // British Journal of Political Science, 1994, vol. 24, no. 4.

¹⁶ $R > 0,7$ — высокая корреляция; $R = 0,5-0,7$ — средняя корреляция; $R = 0,3-0,5$ — слабая корреляция.

между показателями альтернативных и третьих кандидатов оказалась слабее ($R = -0,31$). Корреляцию между показателями административных и третьих кандидатов ($R = -0,73$) можно интерпретировать как связь между существенным ослаблением позиций административных кандидатов и незначительным — кандидатов третьих.

Корреляция между результатами кандидатов

	Динамика поддержки альтернативных кандидатов			Динамика поддержки третьих кандидатов		
	43 округа	18 округов	25 округов	43 округа	18 округов	25 округов
Динамика поддержки административных кандидатов	-0,42	-0,77	-0,03	-0,73	-0,81	-0,80
Динамика поддержки альтернативных кандидатов	не применимо			-0,31	0,24	-0,57

Сравнение динамики голосования в округах с альтернативным большинством демонстрирует более значимую корреляцию между падением показателей административных и ростом показателей альтернативных кандидатов ($R = -0,77$). Сокращение поддержки первых объясняет рост поддержки вторых в 59% случаев, то есть в 10 округах из 18, что совпадает с итогом нашего предварительного анализа.

Совершенно иной результат дает анализ связи между альтернативными и третьими кандидатами ($R = 0,24$). При этом не столько сила связи, сколько ее направление опровергает гипотезу о том, что динамика показателей третьих кандидатов может служить объясняющей переменной по отношению к динамике показателей альтернативного кандидата. Поскольку мы рассматриваем рост одних показателей за счет падения других (модель песочных часов), лишь отрицательная связь между ними будет свидетельствовать о перетоке голосов. Положительный коэффициент означает, что поддержка альтернативных кандидатов интенсивнее росла там, где третьи кандидаты меньше теряли, а из этого следует, что результат победителей был обеспечен другим перетоком.

В округах, где победили административные кандидаты, влияние „умного голосования“ было больше. Здесь коэффициент корреляции между динамиками результатов третьих и альтернативных кандидатов ($-0,57$) говорит о значимости перетока голосов в 32% случаев.

Еще один показатель, который необходимо рассмотреть, — динамика явки избирателей. Нельзя отрицать, что в округах, где победили альтернативные кандидаты, рост явки был более заметным. Она опустилась только в трех из них и поднялась в 15 (средний рост — 1,2 п.п.). Из 25 округов, в которых победу одержали административные кандидаты, явка снизилась в девяти, а ее среднее увеличение составило 0,3 п.п. Однако мы не можем приписывать повышение явки исключительно мобилизационному эффекту „умного голосования“. На

ее уровень влияли как географические, так и демографические факторы, а также степень административного привлечения избирателей. Корреляционный анализ, проведенный по всему массиву округов, не выявил связи между динамикой явки и динамикой поддержки кандидатов. В то же время при изучении двух типов округов по отдельности обнаруживаются интересные корреляции.

Корреляция между явкой и результатами кандидатов

	Динамика явки		
	43 округа	18 округов	25 округов
Динамика поддержки административных кандидатов	0,19	0,58	-0,05
Динамика поддержки альтернативных кандидатов	-0,01	-0,67	0,36

В округах с альтернативным большинством имеется значимая положительная связь между увеличением явки и результатами административных кандидатов ($R = 0,58$) и значимая отрицательная связь между увеличением явки и результатами кандидатов „умного голосования“ ($R = -0,67$). Иными словами, с притоком дополнительных избирателей показатели административных кандидатов росли (падали меньше), а показатели оппозиции падали (меньше росли), что, вероятно, объясняется усиленной мобилизацией зависимого электората там, где у властей не было уверенности в победе. В округах, где победили административные кандидаты, ситуация обратная: при наличии слабой связи между приростом явки и динамикой результатов альтернативных кандидатов ($R = 0,36$) связь между колебаниями явки и результатами административных кандидатов отсутствует ($R = -0,05$). В этих округах административный ресурс для мобилизации провластного электората использовался не так активно, на фоне чего мобилизовались сторонники оппозиции (что, однако, не помогло ей победить).

ДРУГИЕ ФАКТОРЫ

В действительности не все избиратели, поменявшие предпочтения, руководствовались протестными или тактическими соображениями. Часть из них могла голосовать за кандидатов искренне, ориентируясь на широкий круг параметров — от личных качеств и медийной известности до партийного бренда и степени оппозиционности, поэтому реальная доля тактического и протестного голосования в перетоке электората была меньше, чем следует из нашего анализа. Но даже признавая их значимость, нельзя игнорировать то влияние, которое

оказала на исход выборов сложившаяся в округе конфигурация кандидатов.

Важнейшим фактором динамики голосования было снижение конкуренции. Если на прошлых выборах административному кандидату противостояло в среднем пять оппонентов, то на этих — 4,2 в округах с административным большинством и 3,9 в округах с оппозиционным большинством. Но еще большую роль сыграло отсутствие в ряде округов партий, выдвинувших на прошлых выборах основного или второго альтернативного кандидата (10 кандидатов со средним результатом 22,5% и 22 кандидата со средним результатом 12,6%). Подобная ситуация стала следствием административной дисквалификации, к которой можно отнести не только отказ в регистрации кандидатов, но и утрату „Яблоком“ институциональной возможности выдвигать их без сбора подписей.

Ни в одном из округов, за исключением округа № 30, в бюллетенях не был представлен полный набор кандидатов от основных политических сил Москвы. В шести округах, как уже упоминалось, отсутствовали аффилированные с „Единой Россией“ административные кандидаты. В других не выдвигались или не были зарегистрированы кандидаты от КПРФ или „Справедливой России“ (семь случаев). В большинстве округов не было либеральных кандидатов (40 случаев): если в 2014 году кандидаты от „Яблока“ баллотировались практически во всех округах, то на этот раз лишь в четырех. В результате многие округа недосчитались партийных брендов, способных привлечь ядерный электорат или обладающих более широкими мобилизационными возможностями. Используя инструмент дисквалификации, власти случайно снизили конкуренцию внутри оппозиции, тем самым повысив уровень конкуренции между наиболее сильным оппозиционным и административным кандидатами.

Избирателям, лишенным партии первого выбора, не оставалось ничего иного, кроме как отдать свой голос партии второго выбора. Такое голосование не означало рационального взвешивания шансов, а было навязано списком персоналий в избирательном бюллетене и потому с большой натяжкой может быть квалифицировано как тактическое. То же относится и к протестному голосованию: из-за отказа административных кандидатов от бренда „Единой России“ не все избиратели могли их идентифицировать и были вынуждены голосовать за кандидатов других партий, руководствуясь экспрессивными и иными соображениями.

При наличии в бюллетене более широкого круга партий часть избирателей не стала бы отступать от обычного выбора и исключать своего кандидата из борьбы за первое место, о чем свидетельствуют результаты голосования в относительно конкурентных округах, где дистанция между основным и вторым оппозиционными кандидатами оказалась меньше, чем в других округах. Иными словами, тактическое голосование можно точно идентифицировать лишь при наличии всей линейки кандидатов; в противном случае переток голосов может объясняться обычной волатильностью электоральных предпочтений.

Как показывают исследования Владимира Колосова и Ростислава Туровского¹⁷, несмотря на воспроизводство электорального ядра, существенная доля избирателей склонна менять предпочтения и консолидироваться вокруг ведущих кандидатов или „новичков“ кампании. Электоральную волатильность подтверждают и социологические исследования: до трети российских избирателей с легкостью меняют свой выбор, причем за кратчайшее время¹⁸, что превышает аналогичные показатели в других европейских странах¹⁹.

Нестабильность выбора обусловлена слабой партийной идентификацией: голосуя за те или иные провластные либо оппозиционные партии, избиратели выражают скорее свое отношение к правительству, нежели приверженность партиям и их программам²⁰. В такой среде электоральные предпочтения имеют хаотичную динамику и меняются в зависимости от экономического и политического контекста, что также стимулирует склонность и к тактическому голосованию. В условиях подъема протестных настроений усиливается поляризация по линии „власть–оппозиция“, повышающая шансы оппозиционных партий. И поскольку слабая партийная идентификация делает их для избирателя взаимозаменяемыми, дисквалификация части оппозиционных кандидатов на московских выборах не лишила оппозицию перспективы, а обернулась возможностью для оставшихся.

Еще одним важным фактором является потенциал избирательного округа. С точки зрения электоральной географии Москва распадается на несколько относительно устойчивых провластных, оппозиционных и смешанных кластеров²¹. Сопоставление результатов голосования с географическим распределением кластеров подтверждает наличие зависимости между исходом выборов и потенциалом электоральной поддержки на территории округа: административные кандидаты побеждали в основном в провластных и смешанных кластерах, альтернативные — в оппозиционных и смешанных.

Аналогичную связь демонстрирует сравнение последних выборов с предыдущими. В 19 из округов с административным большинством на прошлых выборах кандидаты власти получили более 40%; при этом в 14 округах этого типа альтернативные кандидаты набрали менее 20%. В округах, где в 2019 году мандаты завоевали альтернативные кандидаты, в прошлый раз в 11 случаях за них проголосовало более 20% избирателей; правда, и административных кандидатов здесь в 12 случаях поддержало более 40%. Иначе говоря, оппозиция потенциально имела больше шансов в тех округах, где на выборах 2014 года альтернативный кандидат достиг наивысших результатов, и меньше там, где их добился административный кандидат. Последнее, впрочем,

¹⁷ См. **Колосов В.А., Бородулина Н.А.** Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость // *Полис. Политические исследования*, 2004, № 4; **Туровский Р.Ф.** Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития*, 2012, № 3; **Туровский Р.Ф.** Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // *Полития*, 2018, № 2.

¹⁸ См. **Мамонов М.В.** Электоральные предпочтения россиян: семь пятниц на неделе? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2013, № 2: 33–34.

¹⁹ См. **Майр П.** *Управляя пустотой: Размывание западной демократии.* М.: Изд-во Института Гайдара, 2019: 52–56.

²⁰ См. **Зевина О.Г., Макаренко Б.И.** Об особенностях политической культуры современной России // *Полис. Политические исследования*, 2010, № 3.

²¹ См. **Лыткина К.А.** Электоральная культура населения города Москвы: социологический анализ. Дисс. ... канд. соц. наук. М: МГИМО(У) МИД России, 2016.

верно лишь частично, поскольку хорошие прежние показатели в ряде случаев не помогли административным кандидатам сохранить мандат, однако это в очередной раз демонстрирует, что динамика их поддержки имела для исхода выборов первостепенное значение.

ПРОТЕСТНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Резкое изменение предпочтений, приведшее к снижению голосования за административных кандидатов, требует объяснения, которое, на наш взгляд, заключается в подъеме протестных настроений. Если на выборах 2014 года в связи с „крымским консенсусом“ наблюдался ралли-эффект²², обеспечивший консолидацию вокруг власти и готовность избирателей пожертвовать решением экономических проблем ради внешнеполитических достижений, то последние выборы прошли под знаком растущей неудовлетворенности материальным положением и возвращению в центр внимания избирателей внутриполитической повестки. Массовое недовольство целым рядом реформ (повышение пенсионного возраста, программа реновации жилья, „мусорная“ реформа, оптимизация учреждений здравоохранения) и неблагоприятная ситуация в экономике в целом (стагнация, падение реальных доходов населения, антисанкции) привели к сдвигам в общественном сознании, уменьшив шансы власти и способствовав победе оппозиции.

О смене политических установок говорят исследования общественного мнения, фиксирующие как увеличение запроса на перемены и политическое представительство, так и падение рейтингов президента и „партии власти“²³. О том же свидетельствуют волна массовых выступлений против инициатив властей (2018 и 2019 годы называют рекордными по числу протестов²⁴) и серия побед оппозиции на выборах в регионах (здесь стоит упомянуть муниципальную кампанию 2017 года в Москве, где независимые кандидаты завоевали большинство в 25 районах города, и региональные выборы 2018 года, на которых губернаторами были избраны представители оппозиционных партий, не рассматривавшиеся в качестве возможных победителей). Параллельно происходила политизация общества. Социологи отмечали рост важности для россиян гражданских свобод, которым они ранее не придавали существенного значения²⁵. Увеличивался запрос на политическое участие и представительство интересов. Этот процесс затронул не только новое поколение, но и те

²² См. **Бызов Л.Г.** Национальный консенсус или общественная аномалия? // Свободная мысль, 2015, № 4; **Казун А.Д.** Эффект „rally around the flag“. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования, 2017, № 1.

²³ См. **Дмитриев М., Белановский С., Никольская А.** Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия. М.: **Комитет гражданских инициатив**, 2018, <https://komitetgi.ru/news/news/3902/>; **Волков Д., Колесников А.** Мы ждем перемен — 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. М.: **Московский центр Карнеги**, 2019, <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>; **Шестопал Е.Б., Вагина В.В., Пасс П.С.** Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами // Полития, 2019, № 4.

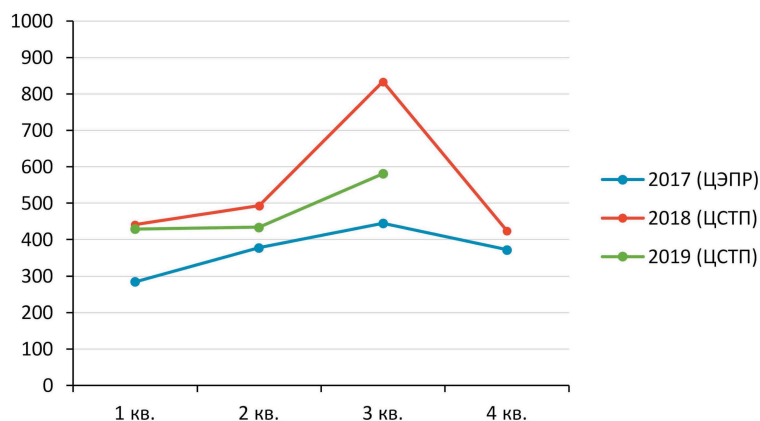
²⁴ См. Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг. М.: **Центр экономических и политических реформ**, 2018, <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2018/11/Протесты-в-РФ-всероссийский-мониторинг.pdf>; Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в третьем квартале 2019 года. М.: **Центр социально-трудовых прав**, 2019, http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_3_Quart_2019.pdf.

²⁵ Права человека // **Левада-Центр**, 20.11.2019, <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/>.

социальные и электоральные группы, которые раньше не проявляли интереса к политике или были лишены доступа к политическому представительству.

Количество протестов в России (по кварталам)

На актуализацию политической повестки повлиял также арест журналиста „Медузы“ Ивана Голунова и увольнение ряда сотрудников газеты „Коммерсантъ“ и „Высшей школы экономики“, которые воспринимались москвичами как политические преследования. Немалую роль сыграл местный активизм, подпитывавший районную и общегородскую мобилизацию²⁶. Усилиями муниципальных депутатов, избранных в 2017 году, локальная протестная активность вокруг городских проблем соединялась с политической повесткой, позволяя поддерживать уровень протеста и вовлеченность местных сообществ в политические дела.

В этих условиях результаты московских выборов не могли соответствовать привычным ожиданиям властей. Рост протестных настроений создавал шанс на победу альтернативных кандидатов в значительном числе округов. Именно поэтому к выборам не были допущены многие представители оппозиции, способные составить конкуренцию административным выдвиженцам, что спровоцировало в Москве политический кризис и самые массовые протесты со времен митингов 2011–2012 годов. Повышение уровня социального недовольства обусловило протестное голосование, а политизация избирательной кампании породила ситуацию, при которой выбор административных кандидатов перестал восприниматься как социально одобряемое действие. Появление „окна возможностей“ и подтолкнуло Навального, ранее призывавшего к бойкоту голосования, к выработке новой стратегии.

Конечно, можно предположить, что часть избирателей, проголосовавших протестно, ориентировалась на список „умного голосования“. Однако, учитывая низкую явку (21,8%), речь шла не о

²⁶ См. **Zhelina A.** *National and Urban Politics Converge in Moscow: Will Local Activism Prevail?* // *Metropolitiques*, 1.10.2019, <https://www.metropolitiques.eu/National-and-Urban-Politics-Converge-in-Moscow-Will-Local-Activism-Prevail.html>.

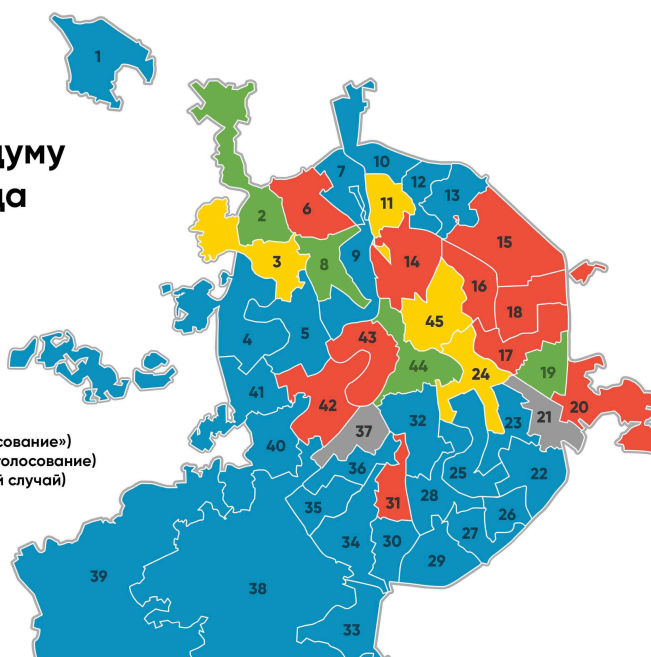
конформистском или индифферентном электорате, чье вовлечение в избирательный процесс неизбежно приводит к росту показателей явки, а об избирателях, постоянно участвующих в выборах и являющихся социальной базой провластных сил, но поменявших на этот раз свои обычные предпочтения на противоположные. Между тем „умное голосование“ было ориентировано на сторонников оппозиционных партий и имело целью изменить их поведение, что не позволяет рассматривать его и протестное голосование синонимически.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Выборы московского парламента долгое время оставались в тени федеральных кампаний и не вызвали особого интереса со стороны общества, тем более что ввиду действующей на них мажоритарной формулы кампания распадалась на множество сегментов. При всем том сложившаяся в 2019 году ситуация нельзя назвать уникальной. Москвичи традиционно демонстрируют высокий уровень поддержки оппозиции и сравнительно низкий уровень поддержки режима. Ранее это не приносило оппозиции заметных плодов, но сохраняло электоральный потенциал, который проявился, как только сложились благоприятные условия. От других кампаний последняя отличается тем, что организационные усилия оппозиции не пропали даром, а конвертировались в два десятка депутатских кресел.

Результаты выборов в Мосгордуму 8 сентября 2019 года

- Административный кандидат
- Альтернативный кандидат («Умное голосование»)
- Альтернативный кандидат (протестное голосование)
- Альтернативный кандидат (пограничный случай)
- Неопределенный кандидат

Как показал анализ, успех оппозиции был обеспечен сочетанием двух факторов: ростом протестных настроений, сократившим электоральную базу выдвиженцев власти, и снижением уровня конкуренции внутри оппозиции, обусловленным как стратегией „умного голосования“, так и дисквалификацией кандидатов. Эти факторы обеспечили основной переток голосов от административных кандидатов и слабых оппозиционеров к наиболее сильным

оппозиционным кандидатам, что во многих случаях привело к их победе. „Умное голосование“ способствовало этой победе и было одним из слагаемых успеха, но общий исход выборов не определяло и высокой эффективностью не отличалось. Количественный эффект „умного голосования“ составил 5,6% голосов, тогда как эффект протестного голосования — 9,7%. Более того, сыграв решающую роль в победе ряда кандидатов, оно лишило выигрыша примерно столько же представителей оппозиции, которые не смогли противостоять сразу двум конкурентам.

От других примеров тактического поведения „умное голосование“ отличает не его популярность или предполагаемый успех, а то, что его инициировали не субъекты электорального процесса и не избиратели, выбравшие такую стратегию эвристически, а влиятельный политический актер, не получающий прямых выгод от ее использования, за исключением символического капитала. И это объединяет данную стратегию с низовыми гражданскими инициативами, вместе с тем позволяя ей быть более организованной и сравнительно более результативной.

В то же время стоит отметить, что декларируемая цель „умного голосования“ — лишить „Единую Россию“ большинства — не была достигнута. Впрочем, последствия стратегии Навального для политического процесса не являются предметом нашего анализа. Мы также оставляем за скобками вопрос о ее влиянии на партийную систему и другие институты. Между тем, даже будучи успешной с точки зрения мобилизации против режима, она может оказаться бесполезной для демократического процесса *per se*, так как создает дополнительные стимулы для движения партий в сторону всеохватности, способствует маргинализации малых партий и в перспективе снижает доверие к демократическим процедурам вследствие разочарования в „плохом“ выборе.

Москва
22.03.2020

Abstract

The paper is devoted to the study of the results of the 2019 Moscow City Duma election campaign and the impact of the „smart voting” strategy proposed by A. Navalny. The authors suggest that a high assessment of this strategy, which is often associated with the relative success of the opposition in Moscow elections, is emotional rather than scientific, and test the validity of this strategy using statistical and correlation analysis. They interpret „smart voting” as a kind of tactical voting, which has a completely different nature than a protest vote. The authors measure a quantitative effect of protest and tactical voting by comparing the level of support for candidates in the 2019 Moscow City Duma and its previous elections, examine significant correlations between various indicators and evaluate possible effects of voter turnout, level of competition and the electoral potential of the district on voting outcomes. After that they conclude that the success of the opposition can be explained by the combination of two factors: the increase in protest sentiments, which reduced the electoral base of the pro-government nominees, and the decrease in the level of competition inside the opposition, due to both the „smart voting” strategy and disqualification of candidates. These factors largely ensured the flow of votes away from the administrative candidates and weak opposition members to the most powerful opposition candidates, thereby contributing to their victory. „Smart voting” contributed to this victory, but did not determine the overall outcome of the elections. Its quantitative effect amounted to 5.6% of the vote, while the effect of the protest vote was 9.7%. Moreover, while „smart voting” played a decisive role in the victory of several candidates, it deprived of victory approximately the same number of opposition representatives who were not able to confront two competitors simultaneously.

Published:

Bol'shakov I., Perevalov V. *Consolidation or Protest? “Smart Voting” in Moscow Elections // Politeia, 2020, vol. 96, no. 1, pp. 50-73. DOI: [10.30570/2078-5089-2020-96-1-50-73](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-50-73)*